

Научная статья

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-161-80-96

ГОРКА, ГОРОЧКА, ГОРУШКА: К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ УМЕНЬШИТЕЛЬНО-ЛАСКАТЕЛЬНЫХ ФОРМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Огольцева Екатерина Васильевна

Московский педагогический государственный университет,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, Россия

tertiumcomp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6439-0130>

Аннотация. В статье на примере модификационных дериватов, образованных от мотиватора «гора», рассматривается проблема функционирования параллельных диминутивных форм. Автор квалифицирует формы типа *горка – горочка – горушка* как проявление варьирования языковых единиц на словообразовательном уровне. Представленные в статье наблюдения подтверждают тезис о семантической синкретичности диминутивов. Суффиксальные варианты — представители одной словообразовательной парадигмы — различаются как количественным соотношением «размерного» (уменьшительного) и субъективно-оценочного компонентов, так и качественными особенностями семантики, которые определяются спецификой суффиксального компонента и сферой употребления каждого из сопоставляемых дериватов. Иными словами, члены подобных рядов диминутивов неравноценны в семантическом и функциональном отношении: совпадая в базовых значениях, они различаются оттенками смысла, коннотацией, сферой использования, образным потенциалом. Все это свидетельствует о целесообразности отнесения уменьшительно-ласкательных форм к явлениям словообразования. На материале текстов Национального корпуса русского языка сделаны некоторые выводы, касающиеся сферы употребления анализируемых дериватов. Определена специфика коннотаций, присущих их семантике и регулярно проявляющихся в реальном употреблении. Рассмотрены случаи употребления диминутивов в составе терминологических наименований, а также контекстуальные условия проявления у этих слов иронической коннотации. Анализ фактов варьирования в сфере уменьшительно-ласкательных образований позволяет затронуть целый ряд актуальных проблем современного русского словообразования и грамматической семантики: словообразовательная синонимия; конкуренция словообразовательных вариантов и их функции в текстах; механизмы формирования групп существительных с формально невыраженным собирательным значением; регулярность проявления семантических признаков «ненастоящий», «подобный» у диминутивов наиболее продуктивных словообразовательных типов; проблема лексикализации диминутивов; формирование фразеологически связанных значений в семантической структуре уменьшительно-ласкательных форм.

Ключевые слова: диминутив, уменьшительно-ласкательная форма, модификационное производное, дериват, словообразовательный вариант, лексикализация.

Для цитирования: Огольцева, Е. В. (2026). *Горка, горочка, горушка: к вопросу о вариативности уменьшительно-ласкательных форм в русском языке. Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 1(61), 80–96. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-161-80-96>*

Original article

UDC 811.161.1'373

DOI: 10.24412/2076-913X-2026-161-80-96

***GORKA, GOROCHKA, GORUSHKA:*
ON THE VARIABILITY OF DIMINUTIVE FORMS
IN RUSSIAN**

Ekaterina V. Ogol'ceva

Moscow Pedagogical State University,
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
Moscow, Russia

tertiumcomp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6439-0130>

Abstract. The article examines the functioning of parallel diminutive forms using the example of modification derivatives derived from the motivator «mountain». The author qualifies forms such as *gorka – gorochka – gorushka* as a manifestation of the variation of linguistic units at the word-formation level. The observations presented in the article confirm the thesis about the semantic syncretism of diminutives. Suffixal variants, which are representatives of the same word-formation paradigm, differ both in the quantitative ratio of the «size» (diminutive) and subjective-evaluative components, and in the qualitative features of their semantics, which are determined by the specificity of the suffixal component and the sphere of use of each of the compared derivatives. In other words, the members of such diminutive series are not equivalent in semantic and functional terms: while they share the same basic meanings, they differ in their shades of meaning, connotations, sphere of use, and figurative potential. All of this indicates that it is appropriate to consider diminutive forms as phenomena of word formation. Based on the data from the National Corpus of the Russian Language, some conclusions have been drawn regarding the scope of use of the analyzed derivatives. The specific features of the connotations inherent in their semantics and regularly manifested in real-life usage have been identified. The article also examines the use of diminutives in the context of terminological names, as well as the contextual conditions under which these words acquire an ironic connotation. The analysis of the facts of variation in the sphere of diminutive formations allows us to address a number of relevant issues in modern Russian word formation and grammatical semantics: word-formation synonymy; competition between word-formation variants and their functions in texts; mechanisms for forming groups of nouns with formally unexpressed collective meaning; regularity of the manifestation of the semantic features

«unreal» and «similar» in diminutives of the most productive word-formation types; the problem of the lexicalization of diminutives; and the formation of phraseologically bound meanings in the semantic structure of diminutive forms.

Keywords: diminutive, diminutive-caressing form, modification derivative, derivative, word-building variant, lexicalization.

For citation: Ogoltseva, E. V. (2026). *Gorka, gorochka, gorushka: on the variability of diminutive and affectionate forms in the Russian language. MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(61), 80–96. <https://doi.org/10.24412/2076-913X-2026-161-80-96>

Введение

В последние два-три десятилетия ученые активно исследуют уменьшительно-ласкательные формы, или диминутивы, в разных направлениях лингвистики, уделяя внимание структурно-семантическому, функционально-стилистическому, когнитивному, лингвокультурологическому аспектам. Чрезвычайно важный аспект научного анализа диминутивов — их принадлежность к сфере словообразования или формообразования (словоизменения). В течение многих десятилетий лингвисты подчеркивали несущественность тех преобразований в лексической семантике слова, которые происходят при образовании размерно-оценочных и уменьшительно-ласкательных форм. На это указывает, в частности, М. Г. Тагабилева: «В русской лингвистической традиции было принято считать, что образование слов при помощи диминутивных суффиксов не ведет к значительным изменениям в семантике слова, а потому принадлежит к словоизменению, а не к словообразованию» (Тагабилева, 1916, с. 25). Этот вопрос, уже на протяжении полутора столетий вызывающий дискуссии отечественных грамматистов, непосредственно связан с лингвокультурологическим статусом уменьшительно-ласкательных форм, с решением вопроса о степени их значимости в плане изучения русской языковой картины мира. На дискуссионность отнесения богатейшей системы русских диминутивных форм исключительно к словоизменению указывают многие филологи, рассматривающие проблему на широком историко-лингвистическом фоне; см., в частности: (Ваффа, 2016).

Неопределенность языкового статуса анализируемых нами форм связана с их объективным свойством — семантической синкретичностью. И. Голушин подчеркивает, что эту особенность уменьшительно-ласкательных форм хорошо осознавали уже грамматисты далекого прошлого: «Начиная с XVIII в. к исследованию категорий уменьшительности и увеличительности обращались многие российские ученые, которые отмечали сопричастие в их значении двух компонентов — размерности и эмотивности (в современной терминологии)» (Голушин, 2021, с. 15). Далее автор упоминает о работах А. А. Потебни, М. В. Ломоносова, Н. И. Греча, К. С. Аксакова, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, О. С. Ахмановой, Н. И. Жинкина.

Дериватологи, как правило, относят уменьшительно-ласкательные производные (как и другие формы субъективной оценки) к модификационным производным: «Модификационными называются такие типы, производные которых обозначают лишь какое-то видоизменение (модификацию) значения производящего слова. К ним относятся типы существительных, прилагательных и наречий с суффиксами субъективной оценки (*чёрный – чёрненький, черноватый; стол – столик – столище; быстро – быстренько*)» (Земская, 1989, с. 299).

Ряд ученых отмечает родство уменьшительно-ласкательных образований с формами слов. Например, Л. А. Телегин, рассматривая суффикс *-к(а)*, пишет: «Мы видим, что продуктивность самого суффикса настолько велика, а структурно-семантические отношения между номинациями настолько прозрачны, что этот суффикс по своей регулярности можно сравнить лишь со средствами формообразования» (Телегин, 1988; с. 142). Об этом же свойстве семантики уменьшительно-ласкательных образований пишут и лингвисты, исследующие функционирование диминутивов в художественных текстах (Бровко, 2000, с. 267). Вместе с тем многие современные исследователи отмечают эволюцию категории диминутивности в русском языке. Уменьшительно-ласкательные формы, считавшиеся раньше признаком низкого стилевого регистра, неизменным атрибутом разговорности, постепенно стали широко употребляться в художественной литературе и публицистике, следствием чего стало существенное обогащение их семантики и экспрессивных возможностей (Буряковская, Звонарева, 2010, с. 320). Лингвисты указывают на развитое диминутивное словообразование как на «яркую отличительную особенность деривационной подсистемы русского языка» (Резанова, 2029, с. 4); на эмоционально-оценочный потенциал категории диминутивности, которая способна выражать широкий спектр эмоций, одни из которых «возникают как результат покровительства малому, другие передают значение незначительности, ненужности, ироническое отношение к предмету речи; третьи вызывают нежность, жалость, сочувствие» (Резниченко, 2008, с. 152).

В пользу того, что уменьшительно-ласкательные образования все-таки следует относить к фактам словообразования, свидетельствуют многочисленные случаи варьирования суффиксов: суффиксальные образования (словообразовательные варианты) различаются не только формой, но и оттенками значения, частотой и сферой употребления, сочетаемостью. Одним из первых на это явление обратил внимание В. В. Виноградов. В монографии «Русский язык. Грамматическое учение о слове» он отметил многоаспектность проблемы аффиксального варьирования, указав, в частности, на ее связь с условиями употребления того или иного варианта. Ученый анализирует диминутивы в ряду других форм субъективной оценки, в связи с рассмотрением такого сложного языкового (и речевого) феномена, как экспрессивность. В аспекте анализа формального варьирования (или синонимии) в системе уменьшительно-ласкательных суффиксов очень важны размышления В. В. Виноградова

о возможной «утрате уменьшительности» (это произошло, к примеру, в слове *солнце*): «Уменьшительно-ласкательное значение формы нередко стирается, изнашивается» (Виноградов, 1972, с. 98). То же мы видим при сопоставлении форм (или слов?) существительных с суффиксом *-к-*: *сетка* — это не уменьшительно-ласкательное к *сеть*, так же как и *черепок* не означает ‘маленький череп’. Анализ подобных случаев лексикализации уменьшительно-ласкательных образований в процессе исторического развития языка побуждает ученого уточнить собственную позицию относительно статуса диминутивов и других суффиксальных эмоционально-оценочных дериватов. В. В. Виноградов приходит к выводу, что «формы субъективной оценки имен существительных занимают промежуточное, переходное положение между формами слова и разными словами» (Там же, с. 99). В русском языке довольно регулярно наблюдается своеобразное удвоение диминутивного показателя: у аффикса первой ступени происходит утрата уменьшительно-ласкательной функции: *бумага* → *бумажка*, *тетрадь* → *тетрадка*, *скамья* → *скамейка*, *нож* → *ножик* и т. п. В результате на второй ступени деривации рождаются новые уменьшительно-ласкательные формы (ср.: *ножичек*, *тетрадочка*, *носочек*, *платочек* и прочие слова, вновь приобретающие уменьшительное значение, сочетающееся с ласкательной экспрессией). При этом исходное слово осознается либо как нейтральное, либо как слово с увеличительным значением (*блюдо* – *блюдец* – *блюдечко*, *скамья* – *скамейка* – *скамеечка*). Как отмечает В. В. Виноградов, особенно часто подобные триады порождают существительные-диминутивы женского рода первого склонения: ср. *сеть* – *сетка* – *сеточка*. Явление семантического опрощения как факт эволюции семантической структуры многих диминутивов можно рассматривать как одно из важных условий для их лексикализации: модификационная деривация, предельно сближающийся с процессом формообразования, постепенно перерастает в полноценное мутационное словообразование. Такое движение от модификации — к мутации, от формы слова — к самостоятельной лексеме мы наблюдаем в случаях типа *мех* – *мешок*, *кора* – *корочка*, *череп* – *черепок* и мн. др.

В монографии В. В. Виноградова даны подробные перечни уменьшительно-ласкательных суффиксов твердого мужского склонения (Там же, с. 99). Рассматривая суффикс *-ик-*, ученый вслед за К. С. Аксаковым (Аксаков, 1880) отмечает возможность параллельных форм типа *садик* и *садок*, *носик* и *носок*, *ротик* и *роток*, *цветик* и *цветок*. Иногда подобные формы функционируют как варианты, а иногда расходятся в значениях и начинают обозначать разные вещи, при этом суффикс *-ок-* выражает прежде всего «уменьшенный вид предмета» (Аксаков, 1880, с. 62), а *-ик-* — эмоцию. Вместе с тем весьма показательны, что в перечне примеров, которые приводит В. В. Виноградов при сопоставлении параллельных форм диминутивов, встречаются устойчивые выражения, в которых нередко функционируют именно диминутивы на *-ок-*: *на чужой роток не накинешь платок*; *дать что-л. ребенку на зубок*; *сделать что-л. на глазок* (Там же, с. 100) (курсив автора цитируемого примера, выделение полужирным наше. — Е. О.).

В «Русской грамматике» анализ словообразовательных образцов также сопровождается сведениями о возможном варьировании суффиксов. Авторы академической грамматики указывают на тенденцию к образованию синонимичных уменьшительно-ласкательных форм с разными суффиксами: *часок* и *часик*, *лоскуток* и *лоскутик*, *шкафик* и *шкафчик*, *супик* и *супчик* и т. д. В ряде случаев отмечается возможность образования диминутивов на базе производных существительных, уже имеющих уменьшительно-ласкательное значение: *дубок* – *дубочек*, *голосок* – *голосочек*, *ковшик* – *ковшичек*; в подобных случаях суффикс *-ок-* выражает «усиленную степень ласкательности» (Русская грамматика, 1980, с. 209).

Одно из исследований последнего десятилетия, автор которого концентрируется на формальных аспектах системы диминутивов, — кандидатская диссертация М. Г. Тагабилевой. Диминутивы рассматриваются автором как грамматический примитив, языковая универсалия: они встречаются практически во всех языках. Отсюда внимание лингвистов к сопоставительному аспекту анализа уменьшительно-ласкательных образований. Объектом исследования С. Г. Тагабилевой являются существительные-диминутивы женского рода в русском и пяти южнославянских языках: болгарском, македонском, словенском, сербском, хорватском. В центре внимания автора — межъязыковая синонимия словообразовательных моделей, их конкуренция, а также факторы, влияющие на распределение словообразовательных суффиксов по производящим основам (Тагабилева, 2016). Специальному анализу подвергаются «существительные с синонимичными значениями, образованные от одной мотивирующей основы при помощи разных суффиксов» (Там же, с. 118). Например, слова-дубликаты с суффиксами *-ичк-* и *-иц-*: *брадица* – *брадичка*; *буквица* – *буквичка*; *водица* – *водичка*; *косуца* – *косичка*; *-иц-* и *-к-*: *лисица* – *лиска*; *рыбича* – *рыбка*, *оградца* – *оградка* (Там же, с. 173–178). О возможности удвоения диминутивных форм, или о вариативности форм, образованных от одной основы, пишет и Ваффа, отмечая, что в подобных случаях форма на *-ок* часто выступает как промежуточное звено: *ветер* – *ветерок* – *ветерочек*; *шепот* – *шепоток* – *шепоточек* (Ваффа, 1916, с. 160).

Итак, ученые, исследующие диминутивы в структурном аспекте, отмечают тенденцию к образованию синонимичных форм типа *зубик* – *зубок* и возможность образования цепочек диминутивов (ср.: *голос* – *голосок* – *голосочек*). Однако, на наш взгляд, результатом вариативности форм диминутивов, образованных на одной производящей базе, не обязательно является победа более современной формы. Интересен именно феномен сосуществования этих вариантов, их параллельное употребление в текстах. Подобные случаи дают возможность как бы остановить мгновение, пронаблюдать разворачивающуюся на наших глазах языковую динамику, демонстрируют гибкость и богатство языка.

Методология, объект и процедура исследования

Рассмотрим явление суффиксального варьирования на материале диминутивов *горка*, *горочка*, *горушка*, используя метод анализа словарных дефиниций и элементы семного анализа, словообразовательное моделирование, а также контекстуальный анализ смысловых семантических приращений, которые подтверждают необходимость погружения исходной диминутивной семантики в стихию живого речевого употребления.

Отметим прежде всего, что «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова фиксирует дериваты *горка* и *горушка* как производные, непосредственно образованные от существительного «гора», в то время как диминутив *горочка* расценивается как производное второй ступени (от «горка») (Тихонов, 1985, т. 1, с. 240). «Толково-словообразовательный словарь русского языка» И. А. Ширшова благодаря идее комплексного отражения словообразовательной и лексической семантики в пределах одного гнезда дает возможность: 1) проследить связь переносных значений диминутивов с семантической структурой исходных соматизмов и определить природу этой связи (метафора/метонимия); 2) выявить некоторые аспекты зависимости между способностью модификационных производных развивать переносные значения и характером их лексических значений (ЛЗ) (совмещение в структуре ЛЗ размерно-оценочной семы с эмоционально-оценочной либо проявление лишь одной из них). Так, у слова *гора* словарь отмечает следующие значения: «Гора, -ы, ж. 1. Значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью. *Кавказские горы*. 2. Нагромождение, куча, множество. *Горы книг*. 3. Мн. Местность, покрытая горами. *Жители гор*. 4. Естественное или специально сооруженное возвышение для спуска на лыжах, санях. *Ледяная горка*». (Ширшов, 2004, с. 225). Диминутив *горка*, согласно сведениям словаря, наследует лишь два значения исходного слова: «Горка, -и, ж. [гор(а) → **гор-к-а**]. 1. Уменьш. к гора (во 2 и 4 знач.). *Г. книг*. *Ледяная г.* 2. Застекленный шкафчик для посуды. Г. с фарфором. 3. Система железнодорожных путей с уклоном для сортировки вагонов. *Сортировочная горка*» (Там же, с. 225). Два значения (второе и четвертое) в семантической структуре диминутива *горка* развиваются в процессе словообразовательного акта; они связаны непосредственно с первым значением производящего и являются результатом его метафорического переосмысления. Что касается третьего диминутива — *горушка*, — то он трактуется автором словаря исключительно как модификационное производное, моносемант с оценочным значением и разговорной коннотацией: «горушка, -и, ж. (разг.), [гор(а) → *гор-ушк-а*]. Уменьш. к гора (в 1 знач.); пригорок. *Подняться на горушку*» (Там же, с. 225). Дериват *горочка* вовсе не получает отражения в данном словаре, между тем он активно функционирует в текстах, согласно сведениям Национального корпуса русского языка. Многие нюансы семантики и коннотативные семы, связанные с богатейшим аксиологическим потенциалом диминутивов *горка* и *горушка*, также выявляются лишь в процессе контекстуального анализа.

Существительное *горка*, прежде всего, представляет собой уменьшительно-ласкательное образование к «гора»: *Я усадил её, и, мешая со слезами, она рассказала. На переезде — горка, въезд крутой. Шлагбаума нет* (А. И. Солженицын. Матренин двор. 1960) (Здесь и далее фрагменты текстов для иллюстрации значений сопоставляемых вариантных форм диминутивов приводятся по источнику: Национальный корпус русского языка (НКРЯ). — Е. О.). *На моём пути попалась горка, невысокая, но широкая, занимающая по ширине весь подход к возделенному лесу* (В. Я. Тучков. Прибытие поезда. Надуманное. Волга. 2014). В этих контекстах «горка» — модификационное производное, употребляющееся в значении «маленькая гора». Такая горка может быть и природным, естественным образованием, и искусственной насыпью: *Самый низкий холм в городе, не холм даже — так, горка отвалов из близлежащих карьеров, которую к тому же потихоньку заравнивают: строить удобнее* (А. Тарханов, А. Асланянц, Д. Бегляров. Париж. 2015).

Однако, по нашим наблюдениям, этот диминутив довольно редко употребляется в текстах как обозначение части естественного ландшафта местности или искусственной насыпи. Гораздо более частотны случаи обозначения словом *горка* какого-либо сыпучего вещества, образующего массу, которая по форме напоминает гору: *Напротив каждого вагона — своя горка антрацита и своя, мерцающая при свете луны, как антрацит, лужа* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней. Октябрь. 2001); *Тузик отворачивался от курицы, а потом отбежал два шага и закопал голову в опилки, горкой насыпанные под верстаком.* (Юрий Коваль. Картофельная собака. 1972); *На подносе белела горка каких-то мелких обрывков бумаги и, как мне показалось, фотографии* (Александр Мардань. Тайна на троих. Дальний Восток. 2029).

Как видим, в подобных контекстах диминутив «горка» употребляется в количественно-собирательном значении, образуя с именем существительным в форме родительного падежа (конкретным — и тогда последнее употреблено во множественном числе, или вещественным — *singularia tantum*) количественно-именное сочетание. Важно отметить, что «горка» в таких текстовых фрагментах — это одновременно и метафора количества, и метафора формы.

«Горку» могут образовать самые разнообразные (однородные в том или ином смысле) неживые предметы: *Фёдор послушно брал и складывал это добро на столе. Горка росла. Фетисыч скоро от уроков отвлекся* (Борис Екимов. Фетисыч. Новый мир. 1996); *Горка пустых тарелок рядом со мной стала угрожающе крениться под собственным весом; в какой-то момент я почувствовал, что если съем хотя бы ещё один кусок рыбы, то умру прямо там* (Л. А. Данилкин. Тропа электриков. 2016).

Весьма частотно употребление слова «горка» с вещественными и собирательными существительными, не имеющими формы множественного числа: *горка колотого сахара* (Евгений Гудилин), *горка хлама, горка мишуры*

(С. В. Соловьёв), *горка дёрна* (О. А. Славникова), *горка шелухи* (Адель Хаиров), *горка печения* (Мария Галина), *горка грязной посуды* (Ю. М. Поляков); с конкретными существительными — наименованиями однородных предметов: *горка снежков*, *горка книг*, *горка конфет*, *горка коробок*, *горка слив*, *горка камней*, *горка поленьев*, *горка ювелирных изделий*, *горка монет* и т. п.

Лексикализованный диминутив *горка* также широко используется как название неотъемлемого элемента любой детской площадки, а также обязательного атрибута разного рода развлекательно-оздоровительных мероприятий: *Глинобитная*, *ни грамма пластика*, *детская горка с полуразрушенными каменными ступеньками*, *с арочными отверстиями*, *украшенная кафельной плиткой стоит среди домов с бадгирами и ажурными заборчиками из обожжённого кирпича* (Л. А. Данилкин. Суперсы. 2016); *Аквапарк — настоящее море удовольствий: гейзер, большая джакузи с воздушным и гидромассажем, стометровая горка, противотоки, бассейн...* (Елена Зенина. Морская симфония. Туризм и образование. 2001.03.15). В том же значении диминутив «горка» употребляется и как обозначение игрового снаряда для животных в зоопарке: *А у выдр и дикобразов — горка, на которую они забираются в мокрой шубе и основательно намочив её, с удовольствием скатываются вниз* (В. Климов. Игра зверей — что это? Знание — сила. 2014).

Со снежной (снеговой) или ледяной горки дети катаются зимой: *За катком стояла снежная горка, с неё уже катались двое детей чуть больше Петрова*. (А. Б. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него. Волга. 2016); *Толстенький мальчишка и востроглазая девчонка торопились в сторону площади Города, где вовсю шёл праздник, откуда летала музыка и зазывающий гулкий голос, где была высокая ёлка, ледяная горка, где можно было прямо на морозе съесть по горячему беляшу* (В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко. Волга. 2016].

Еще одно употребление этого слова — «горка» как предмет мебели, разновидность небольшого шкафа для посуды: *Правду говоря, из всех, без сомнения, интересных экспонатов этого мемориального кабинета мне более всего запомнился один, не имеющий никакого отношения к вещам Трубецкого — антикварная посудная горка* (М. Б. Бару. Самовар лоцмана Воронина. Окончание. Волга. 2016); *Был и ещё один буфет, поменьше, скорее горка* (Юрий Лепский. В поисках Бродского. Дальний Восток. 2019). Данное значение — результат семантической деривации. Вместе с тем оно, несомненно, сохраняет связь с исходным диминутивом: «остаточная уменьшительность» здесь явно присутствует, на что указывают элементы контекста (ср.: «буфет поменьше»). Явление лексикализации диминутивов носит системный характер и, несомненно, заслуживает специального изучения, в том числе в историческом аспекте. Так, И. В. Фуфаева рассматривает лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на утрату диминутивности уменьшительными формами существительных, наглядно показывая связь коммуникативного и семантического аспектов проблемы: уменьшительные диминутивы и их производящие

часто обозначают разные предметы (так, *зеркальце* — (маленькое, ручное) и *зеркало* — это разные вещи. Такая семантическая дифференциация делает коммуникацию более эффективной (Фуфаева, 2016)). Лексикализация, в свою очередь, нередко сопряжена с дрейфом семантики в сторону фразеологической связанности.

Компонент «горка» активно употребляется в составе фразеологических единиц — составных терминов. Ср., в частности, *альпийская горка* как атрибут ландшафтного дизайна: *Применение почвопокровным растениям всегда находили самое разнообразное, но наиболее распространённым способом использования всё же оставалась альпийская горка <...>* (Тайны гор. *Сад своими руками*. 2003.07.15). В этом же значении существительное «горка» употребляется и без прилагательного «альпийская»; по существу, здесь имеет место факт своеобразной отфразеологической деривации: *Основной элемент будущей декоративной композиции — это горка для водопада, изготовленная из шамотной глины* (Ольга Громова. *Комнатный фонтанчик — полезная забава. Сад своими руками*. 2002.12.15).

Другое составное наименование — *Русская горка: Живых свидетелей осталось мало — бревенчатый тёмный форт Росс с православной церковкой, Русская речка да несколько слов в лексиконе индейцев. Впоследствии в Сан-Франциско появилась Русская Горка. Имя ей дала русская так называемая религиозная эмиграция* (Василий Аксёнов. *Круглые сутки нон-стоп. Новый мир*. 1976). Ср. также другие составные наименования, получившие статус имен собственных: *Его мало интересовали Монплезир и Шахматная горка* (Д. А. Гранин. *Месяц вверх ногами*. 1966); *Были насыпаны ещё две возвышенности: «Остров зверей» и «Турья горка»* (Дата. *Огонек*. 2016).

У Павла Бажова встречается еще одно название с этим компонентом — «Шелковая горка»: *Шелковая горка. Наше семейство из коренных невьянских будет. Летом по ягоды туда ходят. Небольшая горка, а заметная. С даля поглядеть, так на ней ровно шелковые платки разбросаны* (П. П. Бажов. *Шёлковая горка*. 1947). Вообще, географические наименования (топонимы) с этим компонентом чрезвычайно разнообразны. Ср.: элементы ландшафта *Гуляевская горка, Калинкина горка, деревни Вольная горка, Жестяная горка* (в Новгородской области), *Зелёная горка* (археологический памятник в черте Салехарда). (*Красная Горка* — в 1926 г. поселок в Московской области. В 1932 г. объединяется с поселком Баньки под общим названием *Красногорск*; с 1940 года — город Красногорск).

Модификационное производное горочка используется главным образом в своем прямом значении — «уменьшительно-ласк. к *гора*»: *Ты не «чёкай», ты туда посмотри. Во-он горочка! Данька невольно глянул в ту сторону, где за ближними увалами синел лесистый хребет* (Константин Серафимов. *Голубой сталагмит*. 1978–1994); *За рекой, прямо перед Васенкой, горочка небольшая, а на верхушке камни — гольшии: посредине — как стол, а кругом — как табуретки* (П. П. Бажов. *Ключ земли*. 1940). Обратим внимание на некоторое

различие в стилистической окраске, связанной со сферой функционирования диминутивов *горка* и *горушка*: второй дериват чаще встречается в фольклорных текстах и характеризуется народно-поэтической окраской.

Так же как и диминутив *горка*, однокоренной дериват *горочка*, по данным НКРЯ, используется для обозначения малого количества чего-либо (вещества, каких-либо предметов), сочетаясь при этом с существительными в форме родительного падежа. Кроме того, он может употребляться и со словами отвлеченной семантики: *Не могу сказать, что я всё в жизни попробовал, но горочка информации, достаточная для появления определённых мыслей, у меня уже насыпалась* (Григорий Копанев. Робот или не робот? Пятое измерение. 2003). Перед нами развернутая метафора: «горочка информации... уже насыпалась»: глагол «насыпаться» актуализирует в сознании читателя ассоциацию с более привычным, узуальным употреблением данного диминутива — по отношению к сыпучим продуктам, веществам, способным «сыпаться»: *горочка (горка)* сахару, конфет, песка, крупы, муки и т. д.

Производное слово *горушка* также широко употребляется в модификационном значении «маленькая горка»: *За вокзалом, пару шагов пройти, этими тремя уступами поднимается невысокая горушка* (А. А. Бушков. Дверь в чужую осень (сборник). 2015); *И горушка-то пологая и маленькая, как завалина у избы, и лыжня наезженная, и ни коряг, ни трамплина* (Алексей Иванов. За рекой, за речкой. 1982); *В самом деле, представьте себе, вы вкладываете всё, что у вас есть, в Эверест, а на деле это оказывается маленькая горушка... ну, вроде этих наших* (И. А. Ефремов. Белый рог. 1944). Актуализации «размерно-оценочной семы» служат не только определения-эпитеты «невысокая», «небольшая», «пологая», «маленькая», а также **противопоставление настоящим — большим и высоким — горам**: *Стою на последнем гребне Зелёных гор, передо мною — низина с ручьём и горушка, которую турки укрепить не удосужились* (Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2. 1988); *А вот там, где разрешено летать в облаках, стоят не такие высокие горы, как эта сопка, но надо набирать 650 метров на двух двигателях — летом, по 2 метра в секунду, — а сразу влево ведь не отвернёшь — вот она, горушка-то, её и сейчас в окно видно* (В. В. Ершов. Дневник. 1986. Лётные дневники. 1984–2002 годы). Как видим, диминутив *горушка* часто употребляется в высказываниях с антитезой: ненастоящая, низенькая, *горушка* противопоставляется настоящей, высокой и крутой горе. Уменьшительное значение поддерживается также наличием других диминутивов в том же контексте, в ближайшем синтагматическом соседстве с «горушкой»: *Пить захотите, вон горушка, а под нею ключик* (Евгений Носов. Усвятские шлемоносцы. 1977).

Вместе с тем у этого деривата (на фоне диминутивов *горка* и *горочка*) заметно преобладание уменьшительно-ласкательного значения над значением объективно малого размера: *Горушка, она защитит от волн и излучений* (Владимир Суворов. Была такая страна — «Лимония». Техника – молодёжи. 1989); *Каждый трепещет и молится горе: матушка, горушка, выручи!*

(Ф. М. Решетников. Подлиповцы. 1864). Однако чаще всего экспрессивно-оценочная и малого размера семы проявляются одновременно: *Надо забор переносить и добавлять новый в связи с увеличением участка почти вдвое — горушка теперь наша* (Е. А. Мравинский. Записки на память. 1980). Именно этот дериват, более чем остальные, подтверждает «аксиологическую направленность» категории диминутивности, ее основное коммуникативное назначение — выражать «эмоциональные и экспрессивные смыслы от ласкательности до уничижительности и пренебрежения» (Шлыкова, 2018, с. 270).

Вместе с тем диминутив *горушка*, так же как и *горка* и *горочка*, содержит в своей семантике сему «псевдо»: горушка — не настоящая гора, она в том или ином отношении ущербная, не характеризующаяся ее основными свойствами: твердость, незыблемость, непоколебимость: *Плоскыня даже малость осел со вздохом, как рыхлая горушка, но тут показались на площади два знаковых храбра — Чурило да молодой Нахалко, а между ними задорный пьяненький Шумок с шестом и грамотой* (Евгений Лукин. Катали мы ваше солнце. 1997). В этом фрагменте употребление диминутива *горушка* характеризуется яркой окказиональностью: он употреблен как образ индивидуально-авторского сравнения «осел, как рыхлая горушка», причем объектом образной характеристики является осевшее тело человека. Автор выбирает уменьшительную форму, поскольку она позволяет подчеркнуть гипотетическую модальность всей ситуации: настоящая гора — твердыня, она не может быть рыхлой, а если и оседает, то очень медленно; *горушка* — «псевдогора», «как бы гора» — *нечто, подобное горе*. Вероятно, тенденция к проявлению семантических признаков «псевдо-В», «подобный В», где В — предмет, названный производящим словом) является своего рода универсалией, присущей как славянским, так и романским и германским языкам. Во всяком случае Вольфганг Дресслер и Лавиния Мерлини Барбарези в работе, посвященной семантике и прагматике немецких и итальянских диминутивов, доказывают, что «собственно диминутивная денотативная семантика — это компонент “маленький по размеру”, а главным в семантике диминутивов является прагматический компонент “несерьезный”» (Dressler, Barbaresi, 2001) (Цит. по: Тагабилева, 2016, с. 17).

Так же как и *горка*, диминутив *горушка* может обозначать какую-то часть искусственно созданного ландшафта, в частности элемент паркового дизайна: *При входе в Шуваловский парк была горушка под названием Парнас* (Д. А. Засосов, В. И. Пызин. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов (записки очевидцев). 1976). Относительно редко (намного реже, по сравнению с вариантом *горка*, компонент *горушка* встречается в составе топонимов: ср.: деревня *Большая Горушка* (Н. Н. Никулин).

Встречаются весьма показательные контексты, в которых *гора-горушка* оказывается ассоциативно связанной с мотивом *горя-горюшка*: *Антон еще заставил себя подождать до половины двенадцатого, бессмысленно гоня телевизор с канала на канал (в местной программе новостей,*

на которую он попал с середины, мелькнуло высокое, как зимняя детская *горушка*, лиловое шоссе и отъезжающая от группы милиционеров «скорая помощь»); каждая секунда ожидания падала в Антонова будто грузная капля в переполненную посудину и заставляла вздрагивать всё его существо (О. А. Славникова. Один в зеркале). Народно-поэтическая аура слова «горушка» проявляется при его употреблении в произведениях, в которых повествование стилизовано под народно-разговорную речь, в жанрах, близких к сказу: *И до того эта горушка крутая, что подняться трудно* (П. П. Бажов. Рудяной перевал. 1947).

В относительно редких случаях диминутивы *горочка* и *горушка* (реже — *горка*) употребляются в ироническом контексте: *Камень дрожал мелкой дрожью, тяжелый пульсирующий гул закладывал уши. Ничего себе горушка!* — сказал Иван. *На неё в мирный день забраться — дух вон, а тут под огнем...* (Владимир Рыбин. Севастопольцы. 1978). В данном случае употребление диминутива вступает в конфликт с контекстом — речь идет о горе, вероятно, крутой, трудной для преодоления.

Все отмеченные нами случаи употребления дериватов *горка*, *горочка* и *горушка* наглядно подтверждают мысли дериватологов о коммуникативной открытости диминутивной семантики, о ее широком семантическом варьировании, детерминированном многообразием речевых ситуаций: значение уменьшительно-ласкательной формы «окончательно формируется в коммуникативном акте, в активном взаимодействии с элементами текстового окружения» (Резанова, 2019, с. 4–5).

Заключение

В силу семантического родства основных (модификационных) значений и возможной взаимозаменяемости во многих контекстах случаи, подобные рядам дериватов *горка* – *горочка* – *горушка* и т. п., на наш взгляд, могут быть отнесены к фактам однокоренной суффиксальной синонимии.

Вместе с тем, несмотря на близость суффиксов *-к-*, *-ушк-*, *-оч/к-*, полного семантического тождества между ними (а значит, и между дериватами *горка*, *горушка* и *горочка*) не наблюдается. Материалы НКРЯ позволяют выявить существенные различия между данными суффиксальными вариантами, которые актуализируются на коммуникативно-прагматическом уровне. Эти различия проявляются в трех ипостасях.

1. **На уровне сочетаемости варьирующихся диминутивов.** Так, дериват *горка* выражает и размерно-оценочное, и эмоционально-оценочное значение, демонстрируя при этом очень широкие возможности сочетаемости. Именно для данного варианта характерны фразеологически связанные значения (ср.: *альпийская горка*), а также широкое употребление в составных онимах (ср.: *Русская горка*, *Шахматная горка*, *Калинкина горка* и пр.).

2. **На уровне объема семантики.** Так, диминутив *горка* характеризуется наиболее богатой (сложной, разветвленной) семантической структурой и, как следствие, самой широкой сочетаемостью: только *горка* может быть естественной и искусственной; только этот диминутив подвержен явлению лексикализации: этим словом может обозначаться и элемент детской площадки, и игровой снаряд для животных в зоопарке, и ледяная (снежная) горка для зимнего катания детей, и разновидность буфета для посуды. Такого каскада номинативных метафор не дают ни *горочка*, ни *горушка*.

3. **На уровне коннотаций.** Семантика диминутива *горка* характеризуется гармоничным сочетанием уменьшительного и ласкательного значений: однако в большинстве контекстов мы наблюдаем проявления размерно-оценочной либо эмоционально-экспрессивной функции. Вариант *горушка* почти не встречается в уменьшительном значении, выполняя только экспрессивно-оценочную, преимущественно ласкательную функцию в сочетании с многочисленными прилагательными; при этом именно этому слову присущи такие заметные особенности, как народно-поэтическая окраска и способность употребляться как синекдохическое обозначение человека. Дериват *горочка*, сохраняя и уменьшительную, и ласкательную семантику, отличается наиболее богатым спектром коннотаций, но прежде всего он передает любовно-ласкательное отношение к объекту номинации.

Синонимичность словообразовательных суффиксов диминутивов-соматизмов — частный случай вариативности на уровне словообразования. Здесь мы имеем дело с варьированием формы при неизменности словообразовательного значения. Коннотативные же оттенки, которые привносятся разными аффиксами, оказываются в трех сопоставляемых уменьшительно-ласкательных формах различными.

Список источников

1. Тагабилева, М. Г. (1916). *Сопоставительный анализ моделей диминутивного словообразования (на материале существительных женского рода в южнославянских языках)* [Диссертация ... канд. филол. наук: 10.02.20. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова]. РГБ.

2. Ваффа, Хидир Мохамед Али Эльвия. (2016). Особенности диминутивных образований в повести В. Распутина «Прощание с Матерой». *Известия ВГПУ. Гуманитарные науки*, 3(272), 158–161.

3. Голушин, И. (2021). *Диминутив как способ выражения эмотивности в русском и сербском языках (на материале романа М. Шишкина «Письмовник» и его перевода на сербский язык)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уральский государственный педагогический университет]. РГБ.

4. Земская, Е. А. (1989). Словообразование. *Современный русский язык* (с. 237–379). Учебник для филологических спец. университетов. В. А. Белошапкова (Ред.). 2-е изд. Высшая школа.

5. Телегин, Л. А. (1988). Метафоризация производных имен как явление семантической деривации. В Л. Л. Ким (Ред.). *Актуальные проблемы общей семантики*

и семантики русского языка (с. 141–143). Тезисы докладов Межвузовской научной конференции 25–28 октября 1988 г. Укитувчи.

6. Бровко, А. С. (2000). Деминутивы как средство оценочно-характеристической экспрессии в художественно-литературных текстах Леонида Леонова. *Вісник Запорізького державного університету. Філологічні науки*, (1), 25–30.

7. Буряковская, А. А., & Звонарева, Ю. Н. (2010). Эволюция употребления диминутивов в русской литературе XIX века. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, (1), 316–321.

8. Резанова, З. И. (2019). Аспекты и методы исследования семантики русских диминутивных суффиксов. Введение. *Семантика русского диминутива в межъязыковых соответствиях и взаимодействиях: корпусное и экспериментальное исследование* (с. 4–15). Монография. Национальный исследовательский Томский государственный университет.

9. Резниченко, Л. Ю. (2008). Диминутивность в обыденном и научном языковом сознании. В Н. Д. Голев (Отв. ред.). *Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика* (с. 150–156). Б. и.

10. Виноградов, В. В. (1972). *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*. 2-е изд. Высшая школа.

11. Аксаков, К. С. (1880). Опыт русской грамматики. *Полное собрание сочинений Константина Сергеевича Аксакова*. Типография П. Бахметева.

12. *Русская грамматика*: в 2 т. 1980. Н. Ю. Шведова (Ред.). Т. 1. Наука.

13. Тихонов, А. Н. (1985). *Словообразовательный словарь русского языка*. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А–П. Русский язык.

14. Ширшов, И. А. (2004). *Толковый словообразовательный словарь русского языка: около 37 000 слов русского языка, объединенных в 2 000 словообразовательных гнезд: комплексное описание русской лексики и словообразования*. АСТ; Астрель; Русские словари.

15. *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>

16. Фуфаева, И. В. (2016). Диминутивные замены в русском словаре: типы, семантика и роль в развитии языка. *Культура и цивилизация*, 6(5А), 120–129.

17. Шлыкова, Л. А. (2018). Диминутивы в современном русском языке. *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук*, 5(22), 270–274.

18. Dressler, Wolfgang U., & Lavinia Merlini Barbaresi. (2001). Morphopragmatics of diminutives and augmentatives. *Perspectives on semantics, pragmatics, and discourse* (p. 43–58). John Benjamins.

References

1. Tagabileva, M. G. (1916). *Comparative analysis of models of diminutive word formation (based on the material of feminine nouns in South Slavic languages)* [Dissertation for the PhD (Philology): 10.02.20. Lomonosov Moscow State University]. (In Russ.).

2. Waffa, Khidir Mohamed Ali Elvia (2016). Features of diminutive formations in V. Rasputin's novel «Farewell to Mother». *Izvestiya VGPU. Humanities*, 3(272), 158–161. (In Russ.).

3. Golushin, I. (2021). *Diminutive as a way of expressing emotivity in Russian and Serbian (based on M. Shishkin's novel «The Letter Writer» and its translation into Serbian)*

[Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.20. Ural State Pedagogical University]. (In Russ.).

4. Zemskaya, E. A. (1989). Word formation. *Modern Russian language* (p. 237–379). Textbook for philological specialists. V. A. Beloshapkova (Ed.). 2nd ed. Vy`sshaya shkola. (In Russ.).

5. Telegin, L. A. (1988). Metaphorization of derived names as a phenomenon of semantic derivation. In L. L. Rim (Ed.). *Current problems of general semantics and semantics of the Russian language* (p. 141–143). Abstracts of the Interuniversity scientific conference on October 25–28. Ukituvchi. (In Russ.).

6. Brovko, A. S. (2000). Diminutives as a means of evaluative and characteristic expression in artistic and literary texts by Leonid Leonov. *Bulletin of the Zaporozhye State University. Philological Sciences*, (1), 25–30. (In Russ.).

7. Buryakovskaya, A. A., & Zvonareva, Yu. N. (2010). The evolution of the use of diminutives in Russian literature of the XIX century. *Izvestiya Tula State University. Humanities*, (1), 316–321. (In Russ.).

8. Rezanova, Z. I. (2019). Aspects and methods of studying the semantics of Russian diminutive suffixes. Introduction. *Semantics of the Russian diminutive in interlanguage correspondences and interactions: case and experimental research* (p. 4–15). A monograph. National Research Tomsk National University. (In Russ.).

9. Reznichenko, L. Y. (2008). Diminution in everyday and scientific linguistic consciousness. In N. D. Golev (Ed.-in-Ch.). *Everyday metalanguage consciousness and naive linguistics* (p. 150–156). W. p.

10. Vinogradov, V. V. (1972). *Russian language (Grammatical teaching of the word)*. 2nd ed. Vy`sshaya shkola. (In Russ.).

11. Aksakov, K. S. (1880). The experience of Russian grammar. *Complete works by Konstantin Sergeevich Aksakov*. Tipografiya P. Baxmeteva. (In Russ.).

12. *Russian grammar: in 2 vols.* (1980). N. Yu. Shvedova (Red.). T. 1. Nauka. (In Russ.).

13. Tikhonov, A. N. (1985). *The word-formation dictionary of the Russian language*. Vol. 1. Word-formation nests. A–P. Russkij yazy`k. (In Russ.).

14. Shirshov, I. A. (2004). *Russian Russian explanatory word-formation dictionary: about 37 000 Russian words grouped into 2 000 word families. A comprehensive description of Russian vocabulary and word formation*. AST; Astrel; Russian dictionaries. (In Russ.).

15. *National Corpus of the Russian language*. <http://www.ruscorpora.ru> (In Russ.).

16. Fufaeva, I. V. (2016). Diminutive substitutions in the Russian dictionary: types, semantics, and role in language development. *Kul'tura i civilizaciya*, 6(5A), 120–129. (In Russ.).

17. Shlykova, L. A. (2018). Diminutives in modern Russian. *Sovremenny`e problemy` gumanitarny`x i obshchestvenny`x nauk*, 5(22), 270–274. (In Russ.).

18. Dressler, Wolfgang U., & Lavinia Merlini Barbaresi. (2001). Morphopragmatics of diminutives and augmentatives. *Perspectives on semantics, pragmatics, and discourse* (p. 43–58). John Benjamins.

Информация об авторе

Екатерина Васильевна Огольцева — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Information about the author

Ekaterina V. Ogoltseva — Dr. Sc. (Philology), Docent, Professor of the Department of the Russian Language, Moscow Pedagogical State University; Professor of the Department of Slavic Philology at St. Tikhon Orthodox University of the Humanities.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interest.